

Между нарциссизмом жизни и нарциссизмом смерти. От тоталитарного объекта к внутреннему тоталитарному объекту

В.А. Потапова

Потапова Виктория Анатольевна – кандидат медицинских наук, психиатр-психоаналитик, старший научный сотрудник Отделения психоанализа Института судебной и социальной психиатрии им. В.П. Сербского, дипломант Университета Рене Декарт, Сорбонна, Париж, действительный член Парижского психоаналитического общества, Международной психоаналитической Ассоциации, доцент кафедры психоанализа и бизнес консультирования НИУ ВШЭ.

Автор, исследует социально-психологические феномены современного российского общества, опираясь на психоаналитическую парадигму. Прослеживает влияние культурального и социально-экономического взрывов на формирование травматических фиксаций, проявляющихся в навязчивом повторении пережитого травматического опыта. Раскрывает, проводя оригинальные теоретические рассуждения, понятие «внутренний тоталитарный объект».

Ключевые слова: травматические фиксации, форклюдия травмы, прегенитальные фиксации, первичный нарциссизм, нарциссическое всемогущество, внутренний тоталитарный объект.

Как аналитики, находясь в одиночестве в своем кабинете, мы неизбежно сталкиваемся, согласно образному определению Андре Грина, с двуликим Янусом нарциссизма, который нас конфронтирует с постоянными колебаниями между Я-один и Другим. Наша способность услышать, понять, принять другого, предоставить ему место в аналитическом и в своем психическом пространстве зависит от нашей возможности знать и понимать себя. В этом процессе мы вновь и вновь обращаемся к курсу вглубь себя, в свой личный психоанализ, вглубь своей семейной,

культуральной и профессиональной истории. Понимание специфики сегодняшней России, личного профессионального места и опыта возвращает нас к важному историческому моменту – Октябрьской революции 1917-го года, когда произошло важнейшее событие, заблокировавшее на долгие годы социально-культурное и гражданское развитие общества – убийство царя-отца, царицы, царевича-наследника и его сестер, имевших статус практически живых богов в земном их воплощении. Это убийство, происшедшее без какого-либо суда и следствия, представляло собой атаку на естественные законы природы и, очевидно, носило оттенок ритуального тотемического пожирания – известно, что тела были закопаны в глубокой яме и покрыты мгновенно разъедающей известью. Увы, вместо реализации фантазмов эдипового уровня произошло регрессивное отреагирование грубых каннибалистических влечений. Такой характер избавления от «праотца» принципиально отличался от процесса над Людовиком XVI, казненным после суда на площади перед своим народом. Его последними словами были: *Si cela peut servir à mon peuple*¹.

Хронику, связанную с убийством царя, свидетельствует современница – русская балерина Нина Тихоновна, эмигрировавшая во Францию: «Здесь я узнала, что в доме Ипатьевых была уничтожена вся царская семья. Слухи быстро разнеслись по городу, и говорили, что тела убитых были покрыты живой известью и брошены в какую-то шахту в глубоком лесу где-то неподалеку от нашей дачи. Весь город затаил дыхание. Люди на улицах избегали смотреть друг другу в глаза» (Н. Тихонова, 1992, с. 372).

Ужас и вина, переполнявшие народ, очень быстро отщепились, вытеснились и заместились нарциссическим триумфом. Чувства всемогущества и грандиозности переполняли сынов, вырвавших наконец такую завидную и желанную власть у отца. Везде пели тогда: «Кто был ничем – тот станет всем». Грандиозные квазибредовые идеи и проекты захватывали все сферы социальной и культурной жизни России в течение 70 лет. Например, социалистическая экономика должна была опередить мировую, течение больших рек северной Сибири необходимо было изменить, новые искусство и литература «социалистического реализма» должны были украсить человеческую цивилизацию в целом и привести к достижению так называемого счастливого «нового человека» коммунизма.

Лев Троцкий (1879–1940), кровавый романтический революционер, воплощающий идеи скорее ницшеанские, нежели марксистские, декларировал: «Реализация улучшенной и обновленной версии человека – вот высшая задача коммунизма» (Л. Троцкий, Сочинения, т. XXI). Он поддерживал проект учреждения Московского Государственного Института Психоанализа и «Дома ребенка» при условии решения психоаналитиками «актуальных целей и задач» Коммунистической Партии, а именно – по созданию «нового человека». Директор одновременно Института и

¹ Пер.: «Если это может послужить моему народу».

«Дома ребенка», Иван Ермаков, должен был оставить свои ранние до-революционные интересы в области прикладного психоанализа, искусства и литературы в пользу педагогики. Сабина Шпильрайн, скованная коммунистическими узами, была вынуждена оставить свои клинические интересы в сфере женской сексуальности и метапсихологии, чтобы развивать «новую» педагогику, читая теоретические курсы по психоанализу ребенка.

Странное учреждение «Дом Ребенка», объединившее около 30 детей от года до 5 лет, большинство из которых были детьми коммунистических чиновников высшего ранга (в том числе сын Сталина), имело цель, помимо научного наблюдения за развитием ребенка, поиск путей для создания «нового человека». Идеализация нарциссизма и инфантильной прегенитальности этих детей одновременно с отрицанием естественного горя по разделению с родителями, в целом, воплощают симптомы этой первертной педагогики, выросшей из убийства сынами «без вины и изъяна» Отца «виновного».

Ермаков так сформулировал «психоаналитико-педагогические» принципы: «То, что негативно для взрослого, может быть таковым и для ребенка. Любое проявление ребенка ценно, потому что оно позволяет узнать глубже его внутриспсихический мир. Чтобы ребенок мог открыто представить себя миру, ему необходимо расти в атмосфере взаимного доверия и уважения к взрослым» (И. Ермаков, 1923, цит. по: А. Эткин, 1993). К чести Ермакова, надо добавить, что он также обращал внимание на необходимость личного анализа для всех, кто работал с этими детьми, чтобы избежать влияния собственных комплексов на работу. В идее этого детского дома было заложено создание двух идеальных образов – ребенка и родителя. Это поддерживало расщепление, оставляя место для переносов и всего «плохого» только в «Доме Ребенка», превращая родителей в совершенные идеальные объекты, конфликт с которыми невозможен.

Эти первые русские детские психоаналитики, подчиненные коммунистической идеологии, писали отчеты о своей работе коллегам в Вене и Берлине, в частности самому Фрейду, который в ответ предупредил об утопичности оной: «Вы знаете правду – наша наука не может быть на службе ни у какой партии, и она нуждается в свободе мышления» (M. Miller). Однако такая зависимость теоретической и практической работы института и детского дома от государственной службы, от партии, а также отсутствие профессионально подготовленных педагогов, специалистов, прошедших анализ и необходимое образование, неизбежно привела к институциональному конфликту. В 1924 году сотрудники написали письмо, адресованное в министерство образования, где они, подчеркивая необходимость психоаналитического подхода в педагогике, жаловались на сложную атмосферу их работы, в которой есть путанность из-за феномена переноса и сложности преодоления зависимости детей от педагогов, что, в свою очередь, очень тяжело вынести воспитателям, не имеющим личного анализа. Они просят разрешить личный анализ, по сути дела, у коммунистической партии или у министерства образования. Сабина Шпильрайн сетовала, что не может ни работать с детьми,

ни анализировать персонал, а работа ее приобрела исключительно теоретический характер. Коммунистическая партия дала типичный директивный ответ – коллективное письмо повлекло за собой несколько комиссий, которые с каждым разом все больше отклонялись от первоначальной сущности вопроса, поставленного персоналом. Внедрение людей далеких, более того, враждебных к психоанализу и, естественно, к вопросам психосексуального развития детей привело к скандалу. 14 августа 1925 года комиссар народного здравоохранения (Семашко) и комиссар образования (Луначарский), закрыли и Институт Психоанализа, и Дом Ребенка. Психоаналитическое общество еще кое-как жило до 1926 года. Последним его докладом стал доклад Вульфа: «Фантазии и реальность психики ребенка». В том же 1926-м Общество предложило и обсуждало уже новую науку, наиболее адаптированную к существующей системе, так называемую «педологию». Она все больше отдалялась от психоанализа, забывая об индивидуальности и неповторимости каждого ребенка, исключая его психосексуальное развитие, все больше подчиняясь и соответствуя догмам партии коммунизма и социальным приоритетам создания «нового человека» в рамках этой культурной коммунистической революции. Коммунистическая партия претендовала довести до конца то, что теоретизировал Мишель Фуко – «контроль над телом». Но для Партии «контроля» было недостаточно. Она рассчитывала даже на трансформацию самой человеческой природы, желая создать новых «роботов, полных радости жизни» (из фольклора того времени). Комиссар образования, Луначарский, декларировал: «Изучая то, что есть ребенок, и закон его развития, педология совершает свой путь, также экономический путь, выполняя высшую задачу, важнейшую задачу – процесс создания нового человека в параллели с продукцией новых машин и инструментов» (цит. по: А. Эткинд, 1993). Николай Бухарин продвинулся еще дальше в своих всемогущих фантазиях: «В ближайшем будущем мы создадим необходимое количество работников, живых квалифицированных машин, специально обученных, способных заработать в любой нужный момент» (цит. по: А. Эткинд, 1993). Эти специально обученные «машины» и были портретом «нового человека», идеального создания коммунизма.

Советская литература (в том числе и детская) изобилует примерами комиссаров, моделей для подражания, чуждых человеческим переживаниям, несомненно, чтобы усилить вытеснение чувства вины за убийство Отца и бойню Гражданской войны. Национальным героем считался Павлик Морозов, донесший, предавший и отказавшийся от своего отца. Процесс атаки на связь с отцом отражал сталинский слоган: «Сын за отца не отвечает».

Это разрыв связи отца и сына, связи и преемственности поколений. Последующее поколение сынов вынуждено было при обвинении их отцов «врагами народа» либо скрывать свое родство, либо публично отказываться от них. Многие даже сумели искренне ненавидеть родителей.

Вульф, впоследствии эмигрировавший, пытался протестовать: «В идеале педагогика должна быть свободна от любых целей и принципов, чуждых интересам ребенка». Даже антифрейдистский физиолог И. Павлов

говорил: «Вы <...> слишком упрощаете человека» (из письма И. Павлова Бухарину, 1931 год, цит. по: А. Эткинд, 1993). Но они оба не были услышаны.

Сабина Шпильрайн, покинув Москву в 1924 году, уехала в родной город Ростов-на-Дону, где работала педологом в одной из школ. Пыталась ли она таким образом спасти психоанализ? В 1942 году два русских психоаналитика, начинавших развивать психоаналитическое направление в России в надежде справиться с «трудностями цивилизации», удивительным образом закончили свою жизнь. Ермаков расстрелян в ГУЛАГе, а Сабина Шпильрайн уничтожена немецко-фашистской армией.

С такой «преисторией» психоанализа я, молодой психиатр, и другие коллеги, работающие в области «психического» уезжали учиться в другие страны с огромной надеждой понять и найти пути преодоления первичного нарциссического всемогущества советской эры, в поисках смысла, основанного на психоаналитическом дискурсе, пытаюсь опереться на язык Другого. Следуя парадигме Фрейда, стараясь понять историю свою и своей страны, в процессе работы психоаналитика вновь и вновь мы задаем вопрос о возвращении вытесненного: как, против чего могут конструироваться защиты в таком историческом и социальном контексте? Какие вытесненные репрезентации способны вернуться в сознательное и насколько возможно возвращение вытесненного, если объект уничтожен? И вообще, как можно представить уничтоженный объект, обращенный в Ничто? Какую психическую конфигурацию может иметь такая репрезентация?

На наш взгляд, основной путь защиты против травматического возбуждения, не имеющего репрезентации, в усилении репрессивного Сверх-Я и создании «ложного Я», воплощенного в ложной советской антигуманной идеологии и моральном кодексе Строителей Коммунизма. Репрессивное Сверх-Я не объясняет почему «это делать нельзя». Как это так естественно и просто описал в своих, ставшими крылатыми, строчках поэт Маяковский: «Крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха: – что такое хорошо и что такое плохо?» Отец малыша терпеливо и доступно отвечает сыну, открывая ему эдипальный вектор развития. Когда же невозможно объяснить и не к кому обратиться, Сверх-Я не может быть эдипальным, а лишь архаическим и запрещающим. Далее, единственным компромиссом становится сотворение ложного: ложной советской культуры и искусственного образования единой общности – советского народа, поклоняющегося бессмертному телу – тотему Ленина и его земной реинкарнации (генеральному секретарю партии), объединенных нарциссическим пактом и моральным кодексом строителей коммунизма. За этим феноменом стоят основные нарциссические символы: бессмертие, вечность, неизменность, отсутствие боли и горя, абсолютное счастье. Этот народ выбирает себе ложного отца – Сталина, «одного из наших», «одного из нас», образ которого, по своей сути, воплощает некое психическое приспособление к пережитому травматизму. Он и отец-бог, и воскресший сын, его земное воплощение. Он обладает совершенно божественной властью и одновременно наделен всемогуществом братьев-убийц, которые,

поскольку это часть их самих, наделяют его властью уничтожать себе подобных, проводить геноцид собственного народа, собственных братьев. В книге «Архипелаг ГУЛАГ» (А. Солженицын, 2009). Солженицын описывает удивительную покорность и пассивность советских граждан перед арестом. Что это? Принятие неизбежности наказания, призванное облегчить вину за убийство царя-праотца? Однако поразительное повторение истории в современный период свидетельствует скорее об отказе (*deny*) осознать и проработать пережитое, о травматической фиксации как форкклюзии травматического события, ставшего, в свою очередь, «искусственным водителем» ритма исторического развития по типу бесконечного повторения этого травматического паттерна, недоступного для репрезентации. Жаннин Шассге-Смиржель (*J. Chasseguet-Smirgel, 2005*) описывает культуру создателя ложного, который стремится избежать, отбросить самый тяжелый момент отношений со своим сожженным праотцом, а именно момент, связанный с интроекцией значимых отцовских атрибутов. Идеал Я такого субъекта больше не проецирует свои желания на отца и на его пенис, но на прегенитальность. Поскольку отец уничтожен, то нет необходимости ему завидовать. Таким образом развивается компульсия к идеализации, предназначенной для того, чтобы придать видимость своему прегенитальному (инфантильному) пенису иллюзию равенства и даже превосходства над отцовским. Таков смысл слогана из гимна коммунистической партии: «Кто был ничем – тот станет всем». Речь идет, согласно Шассге-Смиржель (*J. Chasseguet-Smirgel, 1988*) об эффекте имитации, подражания гениталиям, на самом деле связанном с анально-садистической фазой. Следуя статье Фрейда «О трансформации влечений в анальном эротизме» (1917), Шассге-Смиржель рассматривает анально-садистическую фазу, как определенный сорт прегенитальности или псевдогенитальности, где объекты и зоны удовольствия приспособлены к актуальным способностям и возможностям ребенка. Выгода очевидна: он создает иллюзию, что нет необходимости ждать, развиваться и работать, чтобы занять место отца, дорасти до него. Речь идет об отрицании принципа отсроченности удовольствия, который, в свою очередь, определяет принцип реальности. Остается поддерживать иллюзию, что нет ни боли, ни потери всемогущества, ни разделения, ни смерти, ни, конечно, наказания – кастрации за совершенное. Зато есть фекальный пенис, который в отличие от генитального, бесконечно возобновляем. Он позволяет отрицать реальность, замещая ее на ложную и идеализированную. В таком психическом приспособлении, происходящем в тоталитарную эпоху, время стирается, психическая динамика тоже. Все застывает в пользу грандиозного Я и репрессивного Сверх-Я, подталкивая, таким образом, Я в замкнутый круг идентификации с агрессором. Такую метапсихологию я бы предложила для **понятия** «внутренний тоталитарный объект», изначально введенного Михаилом Шебеком (*M. Sebek, 1996*).

Здесь превалирует первертный путь развития, где согласно Шассге-Смиржель происходит ложное замещение, подлог такого завидного фаллоса отца на фекальный материнский фаллос. Эта перверсия содержит, согласно Грину, первичную камуфлированную сексуальную перверсию,

создавая первичное материнское сумасшествие абсолютного триумфа монады над отцом. Возникает аналогия с советским плакатом военных лет, на котором изображена мать, приложившая палец к плотно сжатым губам, пенетрирующая своим взглядом, заставляющая хранить тайну уничтожения Отца любой ценой.

Какова же может быть личностная и социально-культуральная динамика такого наследия? В естественной логике психосексуального развития, организация частичных влечений под приматом аутоэротизма с последующим преодолением нарциссизма позволяет выход к целому объекту и затем ко вторичным объектам (к Другому). Нарциссизм же, как отмечает Андре Грин, бесконечно колеблется между Я-один, Другим и нулем. Если объект первичных идентификаций превращен в Ничто, уничтожена, аннигилирована первосцена – убит царь и царица, и все их дети – то есть естественное доказательство из плоти и крови существования этой первосцены, а затем все это закрепляется бесконечным ритуальным повторением в геноциде – тогда Один, рожденный из ничто, не может производить ничего иного, кроме бесконечного всемогущего Одного, равного нулю (замкнутому кругу). Когда уничтожается Другой, стирается и разница полов и поколений, происходит триумф вечного всемогущества архаического материнского имаго.

В таком случае речь идет не о замещении запрещенного и вытесненного удовольствия на неудовольствие, как обычно происходит в невротической динамике, а о «негативной галлюцинации» (A. Green, 1983), замещающей такое завидное и уничтоженное желание Другого, то есть здесь превалирует не желание субъекта, а зависть к желанию Другого, к желанию отца, к первосцене, которая где-то существует за закрытой дверью. Это желание убивается за счет превращения Другого в Ничто. Место репрезентации первосцены, разрушенной слепой завистью, занимает «негативная галлюцинация» этого Ничто, что и определяет современный клинический патормоз, выражающийся в динамике в сторону пограничных психических расстройств с обеднением процессов ментализации, способности к ярким психическим репрезентациям, к фантазмированию. В обществе сильнее проявляются тенденции к преобладанию так называемых нормопатов, согласно яркому определению аналитика Джойс МакДугалл (J. McDouglas, 1978), хорошо управляемых и подчиняемых, находящихся в вечном движении по замкнутому кругу, по этому нулю. Не это ли реализация мечты кремлевских фантазеров (вышеупомянутых Бухарина и Луначарского) о создании нового, идеального человека «светлого будущего»?

Российская аналитическая среда в поиске своих идентификаций неизбежно сталкивается с проблемой описанного исторического, культурального и личностного наследия, а также с трудностями принятия языка Другого. Появление дискурса, базирующегося на теории влечений, на внутриспсихическом конфликте, на психосексуальности и на аналитической метапсихологии, может восприниматься российским аналитическим сообществом как нечто беспокоящее, непонятное, но на самом деле запрещенное внутренним тоталитарным объектом и далее отвергаемое

как устаревшее и ненужное. И конечно, этот новый дискурс, с одной стороны, будоражит, вызывая желание развития, динамики, освоения новых знаний, с другой, упираясь в запрет внутреннего тоталитарного объекта, – провоцирует огромное сопротивление. Возможно ли преодолеть это сопротивление, строящееся в целом на травматической форкклюзии, на этом запрещающем регрессивном архаическом Сверх-Я и на Я, фиксированном на прегенитальности?

Не случайно именно в советской действительности возник феномен «лысенковщины» – своеобразный тоталитарный режим в руководстве наукой и подмене ее псевдонаучным эрзацем, угодным существовавшему режиму. Это явление уничтожило успехи в области генетики и кибернетики, заставило многих ученых предать свои научные идеи, учителей и коллег.

Неизбежен вопрос: какое влияние такая predisпозиция оказывает на аналитическую практику, предполагающую свободу слова, размышлений, доверие и разделение своего клинического опыта с коллегами? На какие идентификации мы можем опираться в своем аналитическом слушании? Способны ли мы свободно мыслить, занимая эго-дистонную позицию к своей истории и идентифицироваться в своем мышлении с Другим и далее с многообразием других, без страха быть «проглоченным» или контролируемым им(и)?

Возможно ли иное слушание, которое слышит не свое привычное и ожидаемое эхо, а язык Другого, не сразу понятный, беспокоящий, требующий времени и пространства для понимания. Как аналитик, работающий в российской действительности, чувствует и слушает своих пациентов? Насколько обучение, знания, приносимые Другим, способны интегрироваться и стать опорой, оставляя свободу для нового познания, для новых идей, для интеграции других теоретических и практических парадигм? Способны ли будущие аналитики принять и интегрировать разницу поколений, опыт и наследие первого поколения «отцов», быть благодарными, способными к творческому развитию без навязчивого повторения пережитого травматизма, превращающего в Ничто предшествующие достижения? Нет ли опасности восприятия знания как некой очередной сакральной догмы, а Другого – как аналога, проекции внутреннего тоталитарного объекта? «В стране невозможного Эроса» (А. Эткинд, 1993) возможно ли достижение Эдипальной конфигурации?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ». М.: изд. Алфа-Книга, СПб.: изд. Медуза, 1993, 463 с. Москва, 1992, 372 с.
2. Н. Тихонова. «Девушка в синем». М.: изд. Арт, 1992, 372 с.
3. Л. Троицкий. К 1 Всесоюзному съезду научных работников. Сочинения, т. XXI, с. 262А.
4. А. Эткинд. «Эрос невозможного». СПб.: Медуза, 1993.

5. *J. Chasseguet-Smirgel*. «Le pervers s'avance masqué» in *Pouvoirs du négatif dans la psychanalyse et la culture*, sous la direction de Murielle Gagnebin. Edition Champ Vallon, 1988, Seyssel, p. 21–26.
6. *J. Chasseguet-Smirgel*. «Les deux arbres du jardin. Essais psychanalytique sur le rôle du père et de la mère dans la psyché». Edition Des femmes-Antoinette Fouque, 2005, Paris
7. *A. Green*. «Narcissisme de vie et narcissisme de mort». Les éditions de minuit, Paris, 1983.
8. *J. McDougall*. *Plaidoyer pour une certaine anormalité*. Paris. Gallimard, 1978.
9. *M. Miller*. *Freudian Theory under bochevic Rule*. «Slavic review», 1985.
10. *Sebek M*. *The fate of the totalitarian object*. // *International Forum Psychoanalysis*, 1996, 5, p. 289–294.
11. *Eric Smadja*. *Freud et la culture*. PUF, 2013.

Between the narcissism of life and the narcissism of death. From a totalitarian object to an internal

V.A. Potapova

Potapova Victoria Anatolyevna – Ph.D., psychiatrist-psychoanalyst, Senior Scientific researcher of the department of psychoanalysis of Serbsky Institut of forensic and social psychiatry, Full member of the Paris Psychoanalytic Society, IPA member, Associate Professor, Department of Psychoanalysis and Business Consulting, HSE.

The author explores the socio-psychological phenomenas of modern Russian society basing on psychoanalytical paradigm, traces the impact of cultural and socio-economic explosions on the formation of traumatic fixations, manifested in the obsessive repetition of traumatic experience Reveals, giving original theoretical background, the concept of internal totalitarian object.

Keywords: traumatic fixation, trauma forclusion, primary narcissism, narcissistic omnipotence, internal totalitarian object.